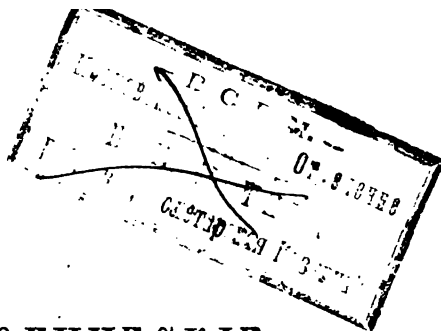

25/11

Н. РОЖКОВЪ.

39/34

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ

39/34
Р-43

ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОЗВЕРЕНС

30/300
Р63

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.
1906.

Список 1644.

7275-8788

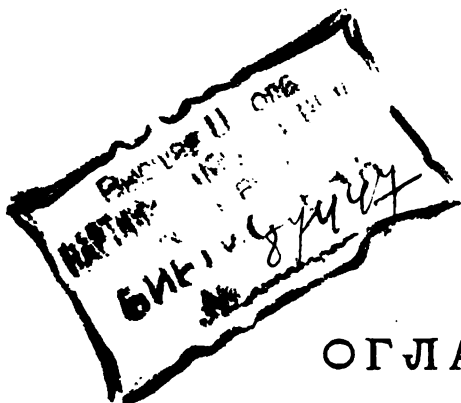
1934 г.

1934 г.

М О С К В А.

Университетская типография, на Страстномъ бульварѣ.

1906.

H35

R8731

1906

v.2

MATN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.....	1— 7
О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ	8— 16
О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи.....	17— 26
Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV в.	27— 72
Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ	73—237
Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ	238—254
В. Сергѣевичъ.—Древности русскаго права. Томъ III.....	255—272
М. Дьяконовъ.—Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ	273—289
Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ	290—297
И. Я. Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в.....	298—306
Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа.....	307—322

Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Существуютъ историческіе вопросы, для рѣшенія которыхъ современные изслѣдователи располагаютъ значительнымъ матеріаломъ, обильными данными источниковъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ, несмотря на достаточный запасъ фактовъ и даже на одинаковое знакомство съ ними разныхъ изслѣдователей, между этими послѣдними возможны большія разногласія, но разногласія эти будутъ зависѣть не отъ количества и качества матеріала, а отъ таланта отдѣльныхъ лицъ, отъ степени ихъ проникательности, отъ ихъ критическаго чутія, отъ широты ихъ воззрѣнія, отъ глубины знаній. Если при этомъ и будетъ открытъ какой-нибудь новый, неизвѣстный прежде источникъ, то самое большее, что онъ дастъ, будетъ заключаться въ нѣкоторой болѣе или менѣе ожидаемой поддержкѣ одного изъ борющихся воззрѣній въ ущербъ другимъ; совершенно новаго и неожиданнаго при наличности значительнаго уже изученнаго матеріала ожидать трудно, чтобы не сказать невозможно.

Не то въ научныхъ историческихъ вопросахъ, матеріалъ для рѣшенія которыхъ скуденъ. Здѣсь каждую минуту можно ожидать находки, которая въ состояніи бросить совершенно новый свѣтъ на дѣло, подарить насъ сюрпризомъ, произвести цѣлый переворотъ въ болѣе или менѣе установившихся воззрѣніяхъ. Къ числу такихъ скудно обставленныхъ матеріаломъ и потому наиболѣе спорныхъ вопросовъ принадлежитъ между прочимъ и вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Въ подготовкѣ всякой реформы слѣдуетъ, несомнѣнно, различать двѣ стороны,—реальную и идейную. Прежде чѣмъ идея извѣстнаго преобразованія приметъ опредѣленные стройныя очертанія, прежде чѣмъ она сложится какъ нѣчто законченное и—

главное—практически-осуществимое, должна произойти глубокая и неостратимая перемѣна въ реальныхъ житейскихъ условіяхъ, перемѣна, которая подчеркнула бы невозможность сохраненія старины и указала бы пути съ созданію новыхъ порядковъ. Такой реальной перемѣны, подготовившей крестьянскую реформу 19-го февраля 1861 года, изслѣдователи ищутъ по преимуществу въ хозяйственныхъ условіяхъ первой половины XIX вѣка, въ тѣхъ новыхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя обнаружились въ русской дѣйствительности къ 40-мъ и 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія. Говоря вообще, можно различить два основныхъ воззрѣнія на вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Типическимъ представителемъ одного изъ нихъ является Заблоцкій-Десятовскій, выразителемъ другого надо признать П. Б. Струве.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей напечаталъ въ IV томѣ своего сочиненія «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» составленную имъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ «Записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и ярко провелъ въ ней мысль, что крѣпостное право уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка было невыгодно для русскаго *земледѣльческаго* хозяйства, что русское земледѣліе уже тогда нуждалось въ вольнонаемномъ трудѣ, болѣе производительномъ, и потому, несмотря на большую дороговизну, болѣе выгодномъ, чѣмъ подневольный, крѣпостной. Это положеніе авторъ доказываетъ ссылками на рядъ наблюденій своихъ надъ доходностью земледѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, и цифровыми выкладками, обнаруживающими болѣе слабую доходность предпріятій, организованныхъ на основѣ крѣпостной барщины ¹⁾. Наблюденія надъ *отдѣльными* на выборъ взятыми хозяйствами—вотъ основной матеріалъ, на которомъ строить авторъ свои заключенія. Конечно, этотъ матеріалъ имѣетъ свою цѣнность, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ достаточно обиленъ, а этого какъ разъ и нельзя здѣсь сказать. Нужно ждать его пополненія и всѣми зависящими отъ насъ средствами содѣйствовать его пополненію, но теперь строить на такомъ матеріалѣ всю теорію можно лишь гипотетически.

Есть, однако, другой матеріалъ,—свидѣтельства о степени развитія земледѣльческой барщины наканунѣ освобожденія сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда крѣпостное право достигло своего полного развитія,—съ XVIII вѣкомъ. Если будетъ дока-

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, томъ IV. Спб. 1882 г., стр. 281—284.

зано, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ барщиной, сократилось, и что это сокращеніе было вызвано не посторонними вліяніями, а условіями именно *земледѣльческаго* хозяйства, то, очевидно, въ земледѣліи слѣдуетъ искать основной причины паденія крѣпостного права, т.-е. Заблѣцкій-Десятовскій правъ. Уже въ 1881 г. г. Семевскій вычислилъ процентъ барщинныхъ (издѣльныхъ) крестьянъ въ 13-ти губерніяхъ въ XVIII в. и въ половинѣ XIX, при чемъ оказалось, что изъ восьми нечерноземныхъ губерній только въ двухъ—Тверской и Новгородской—процентъ барщинныхъ крестьянъ увеличился: въ первой съ 54-хъ въ XVIII в. до 60-ти въ половинѣ XIX ¹⁾, во второй съ 51% до 54,5% ²⁾; въ остальныхъ шести губерніяхъ нечерноземной полосы процентъ барщинныхъ крестьянъ уменьшился: въ Вологодской съ 17-ти (XVIII в.) до 16-ти (полов. XIX в.), въ Костромской съ 15 до 12,5, въ Ярославской съ 22 до 12,5 ³⁾, въ Псковской съ 79 до 71 ⁴⁾, во Владимирской съ 50 до 30 и въ Московской губерніи съ 54-хъ % до 32-хъ ⁵⁾. Въ послѣднее время къ этому прибавлены еще цифры по двумъ нечерноземнымъ губерніямъ, Олонецкой, гдѣ въ XVIII в. было 34% издѣльныхъ крестьянъ, и въ половинѣ XIX 28%, и Смоленской, гдѣ % барщинныхъ крестьянъ повысился съ 70 до 73-хъ ⁶⁾. Это добавленіе, однако, мало мѣняетъ общее впечатлѣніе, такъ что можно вообще сказать, что барщина въ нечерноземныхъ губерніяхъ шла въ XIX вѣкѣ на убыль. Но г. Струве, заподозривая достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII в., полагаетъ, что барщина постепенно развивалась въ XIX в. ⁷⁾. Притомъ же не надо забывать, что, какъ это уже и отмѣчено въ литературѣ, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не условіями земледѣлія, а развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ вы-

¹⁾ Г-жа Игнатовичъ исправляетъ послѣднюю цифру на 59, *И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, — „Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

²⁾ У г-жи Игнатовичъ 54,4% (тамъ же).

³⁾ У г-жи Игнатовичъ 12,6% (тамъ же).

⁴⁾ По вычисленію г-жи Игнатовичъ, 77% (тамъ же).

⁵⁾ *В. Семевскій*. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Спб., 1881, стр. 48.

⁶⁾ *И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, „Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

⁷⁾ *П. Струве*. „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.“. „Міръ Божій“ за 1899 г., № 12, стр. 272—274.

годной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику. Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ губерніяхъ въ большинствѣ случаевъ замѣтенъ ростъ барщиннаго труда и вообще его широкое примѣненіе. Уже г. Семевскій констатировалъ, что въ Тульской губерніи въ XVIII в. было 92% барщинныхъ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. 75%, для Курской губерніи соотвѣтствующія цифры 92 и 74¹⁾, для Воронежской 53²⁾ и 55,5³⁾, Орловской 66 и 72 и Пензенской 48 и 75%⁴⁾. Если къ этому прибавить еще губерніи Тамбовскую, Рязанскую и такія получерноземныя губерніи, какъ Нижегородская и Калужская, то впечатлѣніе нѣкотораго роста издѣлія и, во всякомъ случаѣ, значительной его распространенности въ черноземной полосѣ еще усилится: правда, въ Рязанской губерніи % издѣльныхъ съ 81-го (въ XVIII в.) понизился до 62-хъ (въ половинѣ XIX ст.), но въ другихъ онъ или повысился, какъ въ Нижегородской съ 18 до 32, въ Калужской съ 42 до 45, или не измѣнился, какъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII в. и въ половинѣ XIX сидѣло на барщинѣ 78% крѣпостныхъ крестьянъ⁵⁾. Это увеличеніе барщиннаго труда въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ и даетъ право г-ну Струве отрицать вліяніе земледѣльческаго хозяйства на паденіе крѣпостныхъ отношеній: по его мнѣнію, земледѣліе и въ половинѣ XIX в., вопреки Заблоцкому-Десятовскому, соотвѣтствовало условіямъ крѣпостнаго права, было къ нимъ вполне приспособлено, такъ что реформа 19-го февраля была вызвана необходимостью создать вольнонаемныхъ рабочихъ для обрабатывающей фабричной промышленности, въ которой—и только въ ней одной—и слѣдуетъ искать экономическихъ причинъ паденія крѣпостнаго права въ Россіи.

Нельзя сказать, чтобы и матеріалъ, касающійся распространенія барщины, былъ безукоризненъ, если его разсматривать критически: оставляя въ сторонѣ сомнѣнія г-на Струве относительно цифръ XVIII вѣка, можно отмѣтить, что всѣ приведенныя цифры охватываютъ всего 19 губерній, что не очень много.

1) У г-жи Игнатовичъ 75,5% („Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47).

2) У г-жи Игнатовичъ 36 (тамъ же).

3) У г-жи Игнатовичъ 55 (тамъ же).

4) Семевскій. „Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II“, стр. 48.

5) Игнатовичъ. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“—„Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

Къ тому же губернія — слишкомъ обширная территориальная единица, включающая въ себѣ районы нерѣдко очень различные въ экономическомъ отношеніи, такъ что для того, чтобы уяснить влияніе именно *земледѣльческаго* производства на формы труда, необходимо выдѣлить изъ территоріи отдѣльныхъ губерній чисто земледѣльческіе районы и изучить ихъ съ данной точки зрѣнія, что совершенно не сдѣлано. Такимъ образомъ, и употреблявшійся до сихъ поръ методъ изученія распространенности барщины не безупреченъ.

Очевидно, что при такомъ состояніи источниковъ всякое новое свидѣтельство, могущее бросить неожиданный свѣтъ на вопросъ, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Пишущему эти строки случайно удалось наткнуться на подобное свидѣтельство. Въ 1873 году московскій губернский предводитель дворянства, князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, владѣвшій имѣніями въ разныхъ полосахъ Россіи, между прочимъ въ нечерноземной Московской и черноземной Воронежской губерніяхъ, и бывшій хорошимъ хозяиномъ-практикомъ и предсѣдателемъ только что основаннаго тогда Московскаго Общества улучшенія скотоводства въ Россіи, написалъ письмо тогдашнему министру государственныхъ имуществъ, проси у него ежегоднаго казеннаго пособия Обществу улучшенія скотоводства. Письмо это заключаетъ въ себѣ не мало вообще интересныхъ замѣчаній, но для насъ въ настоящее время важна въ немъ одна подробность, относящаяся какъ разъ къ земледѣльческому хозяйству степныхъ, черноземныхъ губерній наканунѣ освобожденія крестьянъ, при чемъ мы не должны забывать, что степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это — губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги. Вотъ что писалъ объ этой области князь Мещерскій: «Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и *при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ, дополнительный вольнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевые работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинныхъ губерній*» ¹⁾.

Съ перваго же взгляда ясно, какое серьезное значеніе имѣетъ приведенное свидѣтельство, особенно подчеркнутыя нами слова,

¹⁾ Архивъ Московскаго Дворянства, дѣло № 16, за 1873 годъ, „Частная переписка“, л. 31 об.

для изученія экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Передъ нами открываются сразу совершенно неожиданныя перспективы: такъ, до сихъ поръ думали, что крестьянская реформа сильнѣе и вреднѣе отразилась на помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы, чѣмъ нечерноземной; князь Мещерскій констатируетъ противное; далѣе: сильную распространенность барщины на черноземѣ привыкли признавать сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что въ этой полосѣ земледѣліе покоилось всецѣло на крѣпостной основѣ; между тѣмъ оказывается, если вѣрить князю Мещерскому, что вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва ли не большую и во всякомъ случаѣ не меньшую роль, нежели барщинный подневольный; наконецъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ рѣзко подчеркивается необходимость освобожденія крестьянъ въ Малороссіи, выдѣлявшей въ отходъ значительный контингентъ изъ состава крестьянскаго населенія. Все это очень характерно, оригинально и неожиданно, достаточно неожиданно, чтобы направить мысль изслѣдователя на новые пути, поставить передъ нимъ новыя задачи.

Эти задачи заключаются въ повѣркѣ оригинальныхъ заключеній, необходимо слѣдующихъ изъ приведеннаго свидѣтельства. Насколько пострадало помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній отъ отмены крѣпостного права? Какъ великъ былъ контингентъ пришлыхъ вольнонаемныхъ рабочихъ сравнительно съ барщинными крѣпостными въ каждой изъ этихъ губерній? Откуда приходили эти вольнонаемные рабочіе? Вотъ три основныхъ вопроса, которые необходимо выдвинуть на первый планъ при изученіи земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства въ черноземной полосѣ Россіи передъ реформой 19 февраля 1861 года. Передъ важностью этихъ вопросовъ блѣднѣютъ цифры, указывающія на примѣненіе барщины и получающія совершенно иной смыслъ, если подтвердится фактъ сильнаго прилива вольнонаемныхъ рабочихъ со стороны.

Свидѣтельство князя Мещерскаго есть, конечно, не болѣе, какъ только единичное указаніе въ опредѣленномъ направленіи и, какъ таковое, несомнѣнно подлежитъ критикѣ и повѣркѣ иными матеріалами. Не надо однако забывать, что это говоритъ хозяинъ-практикъ, хорошо знакомый съ условіями и формами земледѣльческаго производства въ обѣихъ полосахъ, черноземной и нечерноземной, и что этому хозяину-практику совершенно незачѣмъ было вводить напраслину на помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній въ послѣднее время существованія крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему а priori можно признать за приведеннымъ

свидѣтельствомъ значительную степень достовѣрности, а если такъ, то взглядъ Заблоцкаго-Десятовскаго получаетъ неожиданное и довольно надежное подкрѣпленіе: очевидно экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи надо искать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, игнорировать вліяніе которой впрочемъ нельзя, но и въ области земледѣльческаго производства. Да и въ самомъ дѣлѣ: было бы странно, если бы такая великая, можно сказать всеобъемлющая перемѣна, какою является уничтоженіе крѣпостного состоянія, обязана была своимъ происхожденіемъ вліянію исключительно одной лишь сравнительно второстепенной отрасли производства—обрабатывающей промышленности, тогда какъ главный нервъ народнаго хозяйства Россіи того времени—земледѣліе—не только не подготавливалъ этой перемѣны, но даже будто бы стоялъ въ противорѣчій съ ней.

Надо думать, что читатель согласится съ нами, если мы признаемъ вновь найденное свидѣтельство чрезвычайно важнымъ и во всякомъ случаѣ сильно обостряющимъ интересъ къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Правильное разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ спасенія, обнародованія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, прихода-расходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала, еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть. Его спасеніемъ каждый можетъ оказать неоцѣнимую услугу русской исторической наукѣ.

О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ.

(Отвѣтъ г. Семевскому).

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» за текущій 1902 г. В. И. Семевскій напечаталъ довольно обширную статью, подъ заглавіемъ «По поводу статьи г. Рожкова къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи». Такъ какъ моя статья, вызвавшая замѣчанія и возраженія г. Семевского, появилась на страницахъ «Мира Божьяго» (см. № 2 за 1902 г.), то я и позволяю себѣ отвѣтить на эти замѣчанія въ этомъ же журналѣ. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ совершенно случайнаго характера, я долго не могъ ознакомиться со статьей г. Семевского, почему и отвѣтъ мой является нѣсколько запоздалымъ. Но интересъ поднятаго вопроса и наличность нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, даетъ, какъ кажется, право воспользоваться въ данномъ случаѣ пословицей «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Прежде чѣмъ перейти къ существу дѣла, мнѣ хотѣлось бы устранить одно досадное недоразумѣніе, которому дали поводъ отдѣльныя мѣста моей статьи. Г. Семевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я не пояснилъ, точно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать мое выраженіе, что «г. Струве заподозрилъ достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII вѣка»; поэтому, «читатель можетъ подумать, что есть какія-то другія, лучшія цифры», тогда какъ таковыхъ нѣтъ, и неточность получилась «по причинамъ, отъ изслѣдователя совершенно независящимъ, т.-е. по свойству самыхъ источниковъ»¹⁾. Второй упрекъ, который

¹⁾ „Русская Мысль“, апрѣль 1902 г., стр. 122 и 123.

дѣлаетъ мнѣ г. Семевскій, заключается въ томъ, что я не замѣтилъ вкравшейся въ его книгу описки относительно процента барщинныхъ крестьянъ въ Воронежской губерніи XVIII вѣка: вмѣсто 36% ошибочно написано было 53% ¹⁾, что и было замѣчено и исправлено г. Струве и г-жей Игнатовичъ. Выходитъ такимъ образомъ, что моя статья какъ будто набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на точность приѣмовъ и правильность результатовъ работы г. Семевского. Вотъ это недоразумѣніе я и хочу устранить: охотно признаю неточность своего выраженія и просмотръ мною описки г. Семевского и спѣшу прибавить къ этому, что я и въ мысляхъ не имѣлъ набрасывать хотя бы малѣйшую тѣнь на ученую репутацію этого трудолюбиваго изслѣдователя исторіи русскаго крестьянства.

Обращаясь къ существу нашего спора, надо замѣтить, что онъ касается двухъ основныхъ пунктовъ, одного общаго и другого частнаго: первый—это вопросъ о томъ, былъ ли распространенъ вольнонаемный трудъ въ черноземной полосѣ Россіи передъ паденіемъ крѣпостного права; второй касается смысла и значенія приведеннаго мною свидѣтельства князя А. В. Мещерскаго. Остановимся сначала на этомъ второмъ вопросѣ, чтобы нерѣйти затѣмъ къ первому, болѣе важному.

Содержаніе написаннаго въ 1873 году къ тогдашнему министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву письма московскаго губернскаго предводителя дворянства князя А. В. Мещерскаго заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего авторъ письма указываетъ на «несомнѣнный, не отвергаемый теперь и правительствомъ упадокъ сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ, т.-е. не менѣе, какъ въ тридцати губерніяхъ». Причины этого коренятся, по мнѣнію князя Мещерскаго, въ особо-выгодныхъ условіяхъ, въ какія попало русское земледѣліе въ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ. Эти выгодныя условія сводились, во-первыхъ, къ отсутствію всякой потребности въ удобреніи, такъ что сильно развитое здѣсь при крѣпостномъ правѣ скотоводство начало смѣняться земледѣліемъ, и даже тонкорунное овцеводство стало падать, что вызвало заботы о его поддержкѣ со стороны «управленія новороссійскаго генераль-губернатора», во-вторыхъ, «хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходив-

¹⁾ Тамъ же, стр. 123.

шихъ туда ежегодно на лѣтнія полевые работы крестьянъ изъ густо населенныхъ украинскихъ губерній»; въ третьихъ, желѣзные дороги, проведенныя въ глубь черноземной полосы, увеличили въ этой области выгодность земледѣлія. По этимъ причинамъ князь Мещерскій считаетъ неизбѣжнымъ сокращеніе запасекъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и находитъ необходимымъ здѣсь усиленіе скотоводства и расширеніе луговой земли на счетъ пашенной. Съ увеличеніемъ количества скота открывается возможность хорошаго удобрения и возстановленія полевого хозяйства. Цѣль содѣйствовать прогрессу скотоводства въ нечерноземныхъ губерніяхъ и преслѣдуется московскимъ обществомъ улучшенія скотоводства въ Россіи. Такъ какъ съ успѣхами этого общества тѣсно связаны интересы дворянскаго хозяйства нечерноземной полосы, а хозяйственный упадокъ дворянства можетъ повести къ паденію сословнаго строя въ Россіи и къ господству демократическаго духа, то необходимо оказать содѣйствіе обществу поощренія скотоводства въ видѣ ежегодной правительственной субсидіи, о назначеніи которой князь Мещерскій и ходатайствуетъ передъ министрами.

Комментируя это письмо, я высказалъ мнѣніе, что «степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ; это—губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги»¹⁾. Г. Семевскій полагаетъ, что я ошибся: слова князя Мещерскаго, что «управленіе *новороссійскаго* генераль-губернатора» стало заботиться о поддержкѣ овцеводства, свидѣлствуютъ, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, что въ письмѣ рѣчь идетъ исключительно о новороссійскихъ губерніяхъ, которыя князь Мещерскій и называетъ степными-черноземными²⁾. Я долженъ сознаться, что, дѣйствительно, не обратилъ надлежащаго вниманія на слова, подчеркнутыя г. Семевскимъ и несомнѣнно-доказывающія, что къ числу степныхъ-черноземныхъ губерній авторъ письма относилъ и Новороссію. Но, несмотря на это, я и теперь не могу признать свой комментарий вполне ошибочнымъ, а объясненіе г. Семевскаго совершенно правильнымъ. *Я думаю, что степными черноземными губерніями князь Мещерскій называлъ не только южныя—новороссійскія, но и юго-восточныя, т.-е., по крайней мѣрѣ, большую часть того района (между Окой, Дономъ и Волгой), на который я указывалъ въ своей статьѣ. И на это мнѣ кажется, уполномочиваетъ самый текстъ разби-*

¹⁾ „Міръ Божій“, 1902 г., № 2, стр. 164,

²⁾ „Русская Мысль“, 1902 г., № 4, стр. 137.

раемаго письма: все время въ немъ противопологаются двѣ полосы—черноземная и нечерноземная, а извѣстно, что первая далеко не совпадаетъ съ предѣлами Новороссіи, но захватываетъ и весь юго-востокъ Европейской Россіи; а затѣмъ, князь Мещерскій опредѣленно говоритъ о *тридцати* нечерноземныхъ губерніяхъ; нельзя же думать, что онъ противопологалъ имъ всего три губерніи—Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, игнорируя въ то же время рядъ другихъ черноземныхъ областей.

Итакъ, по моему мнѣнію, текстъ письма князя Мещерскаго, когда онъ говоритъ о черноземныхъ губерніяхъ, надо понимать гораздо шире, чѣмъ то раньше дѣлали мы—я, съ одной стороны, и г. Семевскій, съ другой. Но допустимъ, на минуту, что г. Семевскій правъ, а я ошибался, допустимъ, что подъ черноземной полосой надо разумѣть только Новороссію. Значить ли это, что вопросъ о распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ другихъ черноземныхъ губерніяхъ—между Окой, Дономъ и Волгой—долженъ быть снятъ съ очереди? Г. Семевскій, повидимому, думаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ ¹⁾, я держусь обратнаго взгляда. Разсмотримъ соображенія г. Семевского.

Прежде всего г. Семевскій указываетъ, что, по даннымъ 70-хъ годовъ XIX-го в., крестьянскій отходъ на земледѣльческія работы по вольному найму имѣлъ направленіе изъ сѣверной полосы чернозема на югъ или юго-востокъ, что стоитъ въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ моимъ предположеніемъ, что земледѣльческіе рабочіе въ 50-хъ годахъ направлялись съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. «Подобный переворотъ въ направленіи движенія на заработки въ теченіе 15-ти лѣтъ совершенно невозможенъ» ²⁾. На это я имѣю возразить слѣдующее: во-первыхъ, въ теченіе 15—20-ти лѣтъ, когда, подъ влияніемъ паденія крѣпостнаго права, совершился важный хозяйственный переворотъ, легко могли измѣниться и условія, и направленіе крестьянскаго отхода на земледѣльческіе заработки; во вторыхъ, я вовсе и не думаю и не думалъ утверждать, что не существовало отхода на югъ и юго-востокъ: могли существовать два и болѣе скрещивающихся теченій. Вопросъ объ отходѣ на земледѣльческіе заработки, во всякомъ случаѣ, рано еще считать рѣшеннымъ, и каждое свидѣтельство объ этомъ явленіи слѣдуетъ цѣнить.

Мой почтенный оппонентъ не ограничивается, впрочемъ, ука-

¹⁾ „Русская Мысль“ за 1902 г., № 4, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 128—129.